

Предисловие

О воссоединении Германии написаны сотни книг, тысячи статей, снято множество документальных и художественных фильмов, дано множество интервью. Кажется, что скрупулезно прослежены все главные перипетии этого события мирового значения. Участниками и очевидцами событий, учеными и журналистами введены в оборот многочисленные документы, другие свидетельства, посвященные внутренним и внешним аспектам дела. Казалось бы, нет больше секретов, мешающих понять, чем воссоединение вызвано и как оно произошло. Тем не менее, споры продолжаются, и, судя по всему, мы еще весьма далеки от того, чтобы иметь право утверждать, что наше знание о процессе объединения является полным, исчерпывающим.

На это есть объективные причины. Одна из них — минимальная историческая дистанция. Событие свежо в памяти, не свободно от эмоционального восприятия: поднятые им волны споров не улеглись, политические предпочтения довлеют, участники событий не утвердились в заслуженной или желанной для них исторической роли. Другая причина — односторонность информационной, источниковой базы. Наиболее доступными для исследователей — и тем более для публики — оказались материалы, дающие представление лишь о внешней стороне дела. Глубинная сторона, в том числе та, которую принято называть закулисной, во многом пока еще не доступна общественности. Как следствие, поверхностность многих суждений, подмена анализа домыслом, непонимание мотивов главных действующих лиц.

Отсюда вывод: в изучении событий, приведших к воссоединению Германии, движущих сил этого процесса, побудительных причин, сделавших его возможным, точку ставить рано.

Подлинное знание о том, что и как произошло, невозможно без всестороннего осмысления роли М.С. Горбачева. Само значение его вклада в воссоединение Германии вроде бы никто не отрицает. Однако трактуют его неоднозначно. И речь не обязательно идет о политических противниках Горбаче-

ва, о тех, для кого все, что он делал, имеет лишь один знак — минус. Непонимание истинных мотивов Горбачева, неверная трактовка конкретных эпизодов переговорного процесса иногда настолько глубоки, что полностью искажают смысл не только роли Горбачева, но и всего произошедшего.

Правильно понять и оценить политику Горбачева в германском вопросе можно только в том случае, если вписать ее в более общий контекст: оценку им мировой ситуации, решительный выбор в пользу прекращения «холодной войны», приведшей человечество на грань самоуничтожения, развития событий в самом Советском Союзе. Решение германского вопроса призвано было стать фактором демонтажа фронтального противостояния систем.

В середине 80-х годов германская проблема выступала для советского руководства в двух ипостасях. Существовали два немецких государства и две советско-германские политики. Общим было то, что и та и другая нуждались, как минимум, в корректировке и обновлении. Отношения и с ГДР, и с ФРГ сложились исторически, в них накопилось много иррационального, идеологически оторванного от реальности. Вопрос воссоединения Германии первоначально практически не ставился, хотя многим специалистам в Советском Союзе было очевидно, что рано или поздно оно произойдет.

В распоряжении Горбачева, когда он возглавлял СССР, было достаточно материала о том, что обстановка в ГДР складывается далеко не лучшим образом. Экономические и социальные проблемы не решались, а загонялись вглубь. Недовольство политикой власти охватило все социальные группы.

В ГДР, как и в самом Советском Союзе, назрели перемены. В этих условиях напрашивались два возможных, но исключаящих друг друга подхода. Первый — навязать ГДР перестройку по образцу проводимой в Советском Союзе, то есть «инициировать» реформы извне. Второй — уважая независимость и суверенитет ГДР, следовать курсу невмешательства в ее дела, рассчитывая на перемены лишь под влиянием собственного, «перестроечного» примера. Исторически сложившийся характер отношений с социалистическими союзниками толкал руководство СССР к использованию первого

подхода. Но лично для Горбачева, взявшего курс на глубокие преобразования во всем, это было абсолютно неприемлемо, ибо лишало отношения между СССР и странами Восточной Европы какой-либо перспективы. Уже на встрече с лидерами стран Организации Варшавского Договора (ОВД) в дни похорон своего предшественника Константина Черненко Горбачев заявил им, что советское руководство будет строго следовать принципу невмешательства в дела союзников. Как эту новую ситуацию использовало руководство ГДР, почему освобождение от опеки выявило несостоятельность режима, — особый разговор.

Сложность переосмысления отношений с Федеративной Республикой Германия объяснялась не только комплексностью проблемы. Немалую роль сыграли психологические моменты. Самому Горбачеву, пережившему мальчишкой все тяготы войны и немецкой оккупации, как и многим советским людям, не просто было преодолеть «антигерманский синдром». Что же говорить о миллионах простых людей? Как человек с высокоразвитым политическим чутьем, Горбачев полностью отдавал себе отчет в том, что крутой переход за определенные, устоявшиеся границы в отношениях с Германией не найдет понимания у советских людей. Их нужно к этому готовить постепенно.

Позитивную роль в преодолении данного «синдрома» сыграли многолетние двусторонние отношения с ГДР. Существенное влияние в этом же направлении оказывал импульс «восточной политики» Вилли Брандта, побуждавший к подвижкам в «германском вопросе».

Перемены в атмосфере отношений между СССР и ФРГ проявились еще в июле 1987 года во время визита в Москву Президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера. Беседа его с М. Горбачевым, казалось, не содержала чего-либо сенсационного. Так, Горбачев обратил внимание собеседника на важность вклада в дело мира и безопасности в Европе обоих германских государств. Он вновь, и в достаточно жесткой форме, подтвердил советскую позицию: два германских государства — это реальность. И любые попытки пересмот-

реть ее будут иметь самые нежелательные последствия.

И тем не менее в беседе прозвучали некоторые новые ноты. Выявилось, что обе стороны готовы — более того, стремятся — положить конец застою в отношениях двух стран, наступившему в конце 70-х — начале 80-х годов, особенно очевидному на фоне активного развития связей СССР с другими государствами. Не менее важным было и то, что Горбачев в принципе не исключил воссоединения Германии — пусть не сейчас, пусть позже: надо дать истории возможность поработать. Для того времени и при тех обстоятельствах это был знаменательный момент.

Встречи, последовавшие за беседой с Вайцзеккером, в том числе с Ф.Й. Штраусом, Л. Шпэтом, М. Бангеманом, Х.-Й. Фогелем и особенно с Г.-Д. Геншером, способствовали прояснению многих аспектов «германского вопроса». Горбачев все чаще говорил о нем и в своем кругу, и на заседаниях Политбюро.

В ответ на очередной пробный шар, поступивший от канцлера Гельмута Коля, Горбачев направил ему письмо, в котором впервые содержались слова о «новой главе» в отношениях между нашими странами. В октябре 1988 года канцлер прибыл в Москву. Для понимания смысла этого визита, особенно с точки зрения будущих подходов к германскому вопросу, важно учитывать атмосферу встречи, возникшее у двух политиков взаимное доверие.

28 октября 1988 года в Екатерининском зале Кремля состоялся переломный доверительный разговор, свободный от враждебности, идеологической перестрелки, двоемыслия и лукавства. Оба участника беседы позднее констатировали, что это был честный и откровенный разговор, отличавшийся реалистическими подходами, ответственностью и оптимизмом, чувством перспективы.

При обсуждении на Политбюро Горбачев так подвел итог визиту Коля: «Пока перелома не наступило. Но толчок сильный для движения вперед на этом важном направлении дан».

Отношения между Горбачевым и Коелем быстро приобрели дружеский характер, что помогло, в конечном счете, провести процесс преобразований в ГДР без чрезмерных потрясений, когда в ней, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, наступили бурные месяцы политических потрясений.

Символично, что «контакт», соединивший обоих государственных деятелей, совпал с выступлением Горбачева в Организации Объединенных Наций в начале декабря 1988 года. Перед всем миром был обозначен важнейший рубеж: необратимость перехода СССР к принципиально новой политике, отказ от идеологической заданности в отношениях с любыми странами.

В начале июня 1989 года состоялся визит Горбачева в Федеративную Республику Германия. Всесторонний анализ германской проблемы, осуществленный за месяцы, разделившие два визита, убедил его в том, что жесткая позиция в вопросе германского единства, вызывавшая у него сомнения и ранее, бесперспективна.

Разумеется, никто, в том числе и Горбачев, не мог себе представить, как и какими темпами будут развиваться события. Не могли исчезнуть в мгновение ока и серьезные разногласия по вопросу единства Германии как в СССР, так и в самой Федеративной Республике. Тем не менее в Совместном заявлении, подписанном во время визита Горбачева в ФРГ, прозвучали новые ноты, составившие в совокупности вполне очевидный подтекст. В беседе наедине с Горбачевым Коль охарактеризовал этот документ как черту, подведенную под прошлым, источник, освещающий пути в будущее. Аналогичной была оценка Горбачева, назвавшего совместный документ свидетельством прорыва в отношениях.

Сейчас, ретроспективно рассматривая итоги этого визита и значение подписанных тогда документов, можно с полным основанием сформулировать вывод: именно тогда фактически было положено начало процессу объединения Германии.

Подспудный смысл произошедшего в эти летние дни в Западной Гер-

мании сразу же уловили союзники ФРГ по НАТО: и американцы, и французы, и англичане, и все остальные. Это можно было четко выявить, в том числе по позиции, занятой печатью. Поняли смысл полученного сигнала и в ГДР: как «вверху», так и «внизу». Но если большинство населения ГДР, настроившееся на воссоединение, приняло к сведению, что СССР не намерен препятствовать волеизъявлению немецкого народа, что ничего подобного событиям 1968 года в Чехословакии не произойдет, то руководство СЕПГ и высшие власти государства проявили неспособность сделать адекватный вывод из происходившего.

Между тем объективная возможность достичь германского единства спокойно, поэтапно существовала. При постепенном объединении можно было бы избежать или по крайней мере минимизировать некоторые проявившиеся потом негативные последствия, социальные издержки.

Осенью 1989 года обстановка в Восточной Германии стала без преувеличения взрывоопасной. Падение «Берлинской стены» вызвало огромный эмоциональный подъем в немецком народе. События в любой момент, действительно, могли выйти из-под контроля, и признаки такого развития уже давали о себе знать.

Между тем надо было постоянно помнить, что на территории ГДР размещена крупнейшая группировка советских вооруженных сил. Любая, пусть даже небольшая провокация по отношению к советским военнослужащим могла спровоцировать кровопролитие. Учитывать надо было и то, что и в СССР, и в ГДР существовали влиятельные силы, все более громко требовавшие использования войск «для наведения порядка».

В этих условиях главную свою задачу Горбачев видел в том, чтобы ввести неизбежный процесс воссоединения Германии в упорядоченные рамки, исключить силовой вариант и максимально учесть при этом государственные интересы Советского Союза, в частности интересы армии. В изменившихся условиях она не могла оставаться в Германии в неизменном качестве — и не только по политическим (включая международный аспект), но и

по экономическим соображениям: за содержание наших войск в объединившейся Германии (само по себе бессмысленное) пришлось бы платить немалые деньги в иностранной валюте.

Велся интенсивный диалог между Горбачевым и лидерами западных стран. После отставки Хонеккера Горбачев 1 ноября 1989 года имел продолжительную беседу с его преемником Кренцем. В этой беседе он все еще исходил из предположения, что руководство СЕПГ в его новом составе окажется в состоянии удержать контроль над ситуацией и взяться наконец за преобразования, которые сделали бы возможным постепенное сближение, а затем и слияние ГДР и ФРГ. В контактах с Геншером и Колем он настойчиво убеждал их не поддаваться стихии и проявлять сдержанность.

Однако обострявшаяся политическая ситуация как в ГДР, так и ФРГ подталкивала их к форсированию процесса. Еще 11 ноября 1989 года Коля в беседе с Горбачевым, говоря о позиции ФРГ в отношении происходящего в ГДР, заверял: немцы отдадут себе отчет в том, что такое глазомер, он означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать их возможные последствия, и чувство личной ответственности. Однако уже 28 ноября в обстановке начавшегося распада государственных структур ГДР канцлер выступил в бундестаге с «Программой из 10 пунктов по преодолению раскола Германии и Европы».

Реакция советского руководителя на программу Коля была предельно острой. Тем не менее размолвка с Колем из-за «10 пунктов» оказалась преходящей. Да и события вскоре перехлестнули рамки этой программы.

В конце января 1990 года в кабинете Горбачева состоялось узкое совещание по германскому вопросу. В итоге дискуссии определилась позиция, которую Горбачев сформулировал следующим образом.

— Выступить с инициативой образования «шестерки» (четыре державы-победительницы — СССР, США, Англия и Франция — и две Германии — ФРГ и ГДР) для обсуждения всех внешних проблем германского вопроса.

— В политике по отношению к ФРГ ориентироваться на Коля, не иг-

норируя вместе с тем Социал-демократическую партию Германии.

— Пригласить для переговоров в Москву нового премьер-министра ГДР Модрова и нового руководителя СЕПГ Гизи.

— Поддерживать регулярные контакты по германской проблеме с Лондоном и Парижем.

— Маршалу Ахромееву готовить вывод советских войск из ГДР. Много должно было произойти в мире, Европе и прежде всего в СССР в отношениях между русскими и немцами, чтобы такое решение германского вопроса стало возможным.

В феврале на конференции в Оттаве была достигнута договоренность относительно переговоров об «окончательном урегулировании» в рамках «шестерки». Вслед за этим в Бонне, Берлине и Москве состоялись три раунда переговоров, вошедшие в историю воссоединения Германии как «переговоры 2 + 4».

Впоследствии вокруг этого наименования был искусственно создан дипломатический туман. Противники политики Горбачева, преследуя политические, а кто-то чисто личные цели, утверждали, будто концепция переговоров в рамках «шестерки» первоначально базировалась на формуле «4 + 2», которая, де, предполагала доминирование держав-победительниц над обеими Германиями. Соответственно, документальное и публицистическое переименование формулы «4 + 2» в формулу «2 + 4» трактовалось как неоправданно большая уступка, чуть ли не капитуляция.

В действительности на фоне происходивших эпохальных изменений подобная канцелярско-дипломатическая схоластика потеряла всякое значение. По крайней мере для Советского Союза и других держав-победительниц. Понятен интерес «к перемене цифр» у немецкой стороны, которую поддержал государственный секретарь США Бейкер. Немцы хотели лишний раз продемонстрировать, что времена, когда Германия рассматривалась как второстепенный участник переговоров, ушли в прошлое. Формула «2 + 4» звучала как признание того, что свои германские дела решают сами

немцы, а бывшие победители будут заниматься международными аспектами воссоединения. Иначе говоря, порядок цифр в этой формуле воспринимался как проблема национального престижа.

Упирается в порядке цифр, когда речь шла о судьбах Европы и мира, было не в правилах Горбачева. Думал он и о перспективах отношений между Советским Союзом и будущей объединенной Германией. Ему не нужен был торг по мелочам. Для него было очевидно, что немцы не только имеют право, но и неизбежно будут сами решать свои дела. Десятого февраля 1990 года на встрече с прибывшим в очередной раз в Москву Кодем он четко и недвусмысленно заявил: «Немцы сами должны сделать свой выбор». И когда Коде переспросил: «Вы хотите сказать, что вопрос единства — это выбор самих немцев?», он получил ясное подтверждение: «Да... В контексте реальностей».

В начале 1990 года процесс воссоединения Германии, решающей движущей силой которого стало мощное народное движение, прежде всего в ГДР, окончательно перешел, уже и формально, в руки немцев. Основной проблемой, которую предстояло решить державам-победительницам, было обеспечение европейской безопасности в принципиально меняющихся условиях. На передний план выдвинулся вопрос о будущих отношениях между объединенной Германией и НАТО. Позиция США и правительства ФРГ в том вопросе была однозначной: объединенная Германия должна быть полноправным членом НАТО.

Собственно говоря, само вхождение будущей Германии в НАТО, а следовательно, смещение сферы ее компетенции на несколько сот километров к востоку имели для СССР не столько геополитическое, сколько психологическое значение. В ядерный век вообще, а в условиях начавшегося разоружения в частности (притом, что страны Восточной Европы, входившие в Организацию Варшавского Договора, получили реальную свободу выбора), вхождение объединенной Германии в НАТО по существу ничего не меняло в проблеме безопасности СССР. Тем не менее Горбачев не мог не считаться с взглядами, распространенными в обществе, в политических верхах и особен-

но среди военных. Поэтому он искал варианты, которые бы исключали прямое вхождение объединенной Германии в НАТО. Такие варианты обсуждались и в узком кругу сотрудников Горбачева, и на Политбюро ЦК КПСС на протяжении всей весны 1990 года. Так, накануне поездки Э.А. Шеварднадзе в начале мая в Бонн на первый раунд переговоров по формуле «2 + 4» в Политбюро состоялся крайне жесткий разговор на эту тему: не допустим Германию в НАТО!

Однако дальнейшие размышления привели к пониманию, что альтернативные идеи нейтрализации объединенной Германии или ее вступления одновременно и в НАТО, и в ОВД несостоятельны. Ведь если есть согласие на объединение, а значит, на прекращение всех ограничений, связанных с последствиями войны, то Германия тем самым получает суверенное право выбирать, в каком блоке ей быть или вообще быть вне блока. Позиция, зафиксированная в директиве, с которой Шеварднадзе поехал на переговоры «2 + 4», как и можно было предвидеть, «не прошла».

В конце мая 1990 года Горбачев поехал с этой же позицией в Вашингтон. Относительно поведения Горбачева там, на переговорах с Дж. Бушем, также возникло немало спекуляций, искажающих действительные мотивы Горбачева. Суть дела заключалась в том, что, оставаясь на почве реальностей и элементарной логики, отстоять прежнюю советскую позицию было невозможно. Горбачев оказался перед выбором: либо «упереться», и тогда процесс объединения Германии все равно пошел бы, но в обход СССР, без него и даже против его жизненных интересов, либо, руководствуясь здравым смыслом, сохранить свою роль во всем этом деле и получить в результате в партнеры дружественную и благодарную Германию — крупнейшую величину в мировой экономике, а теперь и в политике. Тридцать первого мая была найдена компромиссная формула.

Теперь — о последних аккордах «марша» к воссоединению. В июле 1990 г. в Москву приехал Коль, чтобы окончательно определиться с порядком воссоединения Германии. Встретился он с Горбачевым в мидовском

особняке на улице Спиридоновка. Коль был отчетлив и напорист. Вел честную, но жесткую игру. Шел на большие уступки, но получал главное — объединенную Германию в НАТО.

Горбачев охарактеризовал свою позицию в германском вопросе месяц спустя в Хельсинки в конфиденциальном разговоре с Бушем следующим образом: «Вы, наверное, согласитесь, что события в Восточной Европе, германские дела были более трудными для нас, чем для США. Я вам скажу откровенно, что потребовались колоссальные усилия, огромное напряжение, политическая воля, чтобы буквально перешагнуть через себя, преодолеть старые подходы, казавшиеся незыблемыми, действовать так, как этого требовали изменившиеся реальности. Мне до сих пор приходится у нас в стране разъяснять эту позицию, доказывать необходимость нового мышления, новых подходов к тому, что происходит в мире, убеждать в правильности таких шагов. Это не всегда легко, тем более что на Западе есть люди, которые подбрасывают анализ, основанный на старом мышлении, и это осложняет мое положение».

На Спиридоновке Коль передал Горбачеву проект «Большого договора» (как оказалось в общем приемлемого), который, по его словам, должен был закрыть прошлое и открыть принципиально новый этап отношений между двумя великими нациями с перспективой обоюдновыгодного сотрудничества и даже дружбы.

Для закрепления сделанного Горбачев повез Коля к себе на родину, на Ставрополье. Заключительные переговоры прошли в Архызе — небольшом живописном северокавказском курорте. Там они заночевали, вернее, почти всю ночь провели за столом переговоров. Обговаривалось во всех деталях содержание документов — будущего Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии, Договора о временном пребывании советских войск, Соглашения о переходных мерах и других.

Впоследствии Коль честно и лояльно, при поддержке огромного боль-

шинства немцев, выполнил все то, что скрепил своим словом и подписью. Он перенес на Россию свой подход к СССР, не изменив при этом, кстати сказать, порядочности в отношении Горбачева, не унизив себя дипломатической «потерей памяти», которой оказались подвержены некоторые бывшие партнеры.

История пошла вперед. Тридцатого августа 1990 года в Берлине был подписан Договор об объединении ФРГ и ГДР, 12 сентября в Москве — Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии.

9-10 ноября 1990 года Горбачев нанес визит в уже объединенную Германию. Состоялись торжества и подписание документов, которые заложили международно-правовые и морально-политические основы нормальных, действительно дружественных отношений между германским народом и народами СССР.

Сегодня, оглядываясь на события того времени, имеются все основания утверждать: в русле государственной логики, которая предусматривала ликвидацию угрозы ядерной войны и коренное изменение самой сути мировой политики, освобождение от пагубного и уже непереносимого бремени перевооружений, исходила из первостепенного значения устойчивых добрососедских отношений с Германией, прав был Горбачев. Он сделал максимум возможного в тех условиях для достижения цели.

В сборник включены четыре группы материалов. Во-первых, записи бесед М.С. Горбачева с зарубежными политическими деятелями. Часть из этих записей приведена полностью, часть — в выдержках. В последнем случае опущены сюжеты либо не имеющие прямого отношения к германской проблеме, либо повторяющие уже изложенное в предыдущих беседах. Во-вторых, расшифровка записей хода заседаний и встреч, посвященных германскому вопросу, в которых принимал участие М.С. Горбачев, сделанных помощником М.С. Горбачева А.С. Черняевым. Сами блокноты с соответствующими стенографическими записями находятся в архиве «Горбачев-Фонда». В-третьих, служебные записки и другие материалы, касающиеся германского вопроса, подготовленные ближайшими сотрудниками М.С. Гор-

бачева в то время, когда принимались основные решения, касавшиеся воссоединения Германии. В-четвертых, отдельные публикации в печати, важные с точки зрения понимания происходивших событий.

*А.А. Галкин, доктор исторических наук, профессор
А. С. Черняев, бывший помощник Президента СССР по международным делам*

2 марта 2006 года